

ЮБИЛЕЙНОЕ: НЕИЗВЕСТНОЕ НЕМЕЦКОЕ ПИСЬМО ВЯЧ. ИВАНОВА¹

Майкл Вахтель
(Принстон)

Разница между людьми такова: некоторые становятся прахом и им остаются. Повсюду их лица из праха. Другие восстанут, как феникс. Прекраснейший пример – Гете в «Западно-восточном диване», который понимаешь, только если знаешь, какое огромное разочарование в жизни скрывается за ним.

Людвиг Курциус, из письма от 4.IX.1940²

В ранние 90-е годы прошлого столетия автор настоящей публикации готовил издание немецкоязычной переписки Вяч. Иванова (см.: Ivanov 1995). С особой теплотой упомянем многократные встречи с незабываемым Димитрием Вячеславовичем Ивановым в его квартире в Риме, где хранился – и до сих пор хранится – семейный архив. Димитрий Вячеславович всячески помогал молодому и неопытному ученому, находил нужные папки писем, расшифровывал трудночитаемый почерк, объяснял биографический и культурный фон, давал советы, рассказывал интереснейшие истории. Напомню читателю, что в эти допотопные времена не было ни интернета, ни сканера, ни даже ноутбука. Поэтому тексты приходилось переписывать от руки. Если речь шла о большом коли-

¹ Автор выражает признательность Ф. Б. Полякову за стилистические исправления, за указание литературы и за перевод впервые издаваемого здесь немецкого письма Вяч. Иванова.

² „Der Unterschied zwischen den Menschen ist der: Die einen werden zu Asche und bleiben Asche. Lauter Aschengesichter ringsum. Die anderen erheben sich als Phönix. Herrlichstes Beispiel Goethe im ‘West-östlichen Divan’, den man nur versteht, wenn man weiß, welch ungeheure Lebensenttäuschung dahinter liegt“ (Curtius 1958: 310). Имя адресата письма не указано.

честве писем, то мы ходили в ближайший copy shop, где оставляли кучу рукописей на ночь и заходили на следующий день забрать оригиналы и ксероксы. Мне всегда было страшно оставлять рукописи у беззаботных итальянцев, не имеющих ни малейшего понятия о ценности вверенных им документов, поэтому я переписывал как можно больше от руки. Димитрий Вячеславович, напротив, полностью доверял работникам магазина, и, как кажется, неспроста, так как, вопреки моим опасениям, у них никогда ничего не терялось.

Когда я перечитывал старые архивные выписки при подготовке биографии Вяч. Иванова, которая, надо надеяться, скоро выйдет в свет, мне попало письмо, когда-то отложенное мною в сторону и так и оставшееся неопубликованным (русский перевод см. ниже):

Rom, d. 12 Dezember 1944

Verehrter Herr und Freund,
genehmigen Sie von einem 78-jährigen seine herzlichsten Glückwünsche zu Ihrem 70-sten Geburtstag! Ist es doch richtig, diesen Tag als einen bedeutsamen Zeitpunkt unseres Lebens anzusehen: sind wir nicht wieder an die „Rubrik“ gelangt (um mit Dante zu reden) mit der Aufschrift „incipit vita nova“? Ein Schlussteil nämlich unseres irdischen Gedichtes, wesentlich dazu bestimmt, unseres „Herzens grimmigen Strauss zu besänftigen“, unser „Innres zu reinigen vom erlebten Graus“, uns „dem heiligen Licht wiederzugeben“, das überstandene Leiden kathartisch ausklingen zu lassen.

Mit dankerfüllter Befriedigung können Sie zurückblicken auf Ihre reichen Ernten, auf alles in genialem Streben Errungene und schön Gelungene, auf die gesammelten Erkenntnisschätze, auf die gute Verwaltung der Ihnen von der göttlichen Gnade anvertrauten Gaben, darunter vor allem der Eoptie der Schönheit, und – was wohl noch wichtiger ist – auf die großen Erfahrungen des Herzens, das bekennen darf: „ich habe gelebt und geliebet“.

Laß den Anfang mit dem Ende
Sich in eins zusammenzieh'n!
Schneller als die Gegenstände

Selber dich vorüberflieh'n.
Danke, daß die Gunst der Musen
Unvergängliches verheißt:
Den Gehalt in deinem Busen
Und die Form in deinem Geist.

Mögen Ihnen noch lange Jahre beschieden sein, voll obsiegender
Harmonie und hohen Seelenfriedens, erleuchtet von der „beglückenden
Mühe des Schaffens“!

In tiefer Verehrung

Ihr

Ihnen treu zugetaner

Venceslas Ivanov

В свое время я не опубликовал это письмо по нескольким причинам. Во-первых, было неясно, к кому оно обращено. Во-вторых, я не узнал последнюю цитату – ключевую, как потом оказалось, – и не надеялся найти ее источник. (Круг немецких цитат Иванова, как правило, был не так уж велик. Как и в данном письме, Иванов очень любил приводить крылатые слова из немецкой классики, причем часто повторяя одни и те же цитаты. Последняя цитата настоящего письма являлась явным исключением.) В-третьих, судя по тону письма, адресат был не особенно близким человеком. Перед нами – поздравительное письмо по случаю семидесятилетия.

До сих пор помню мой разговор с Дмитрием Вячеславовичем по поводу этого письма. Дмитрий Вячеславович считал, что адресат, скорее всего, был каким-то знакомым Герберта Штейнера, редактора журнала *Corona*, где публиковались многие немецкие статьи Иванова в 1930-е годы. Как известно, Штейнер заботился об Иванове и профессионально и дружески, постоянно советуя писать людям, которые могли бы быть ему полезными. По мнению Дмитрия Вячеславовича, данное письмо лишний раз свидетельствовало о таком попечении Штейнера. Итак, загадочный адресат должен был быть немецкоговорящим швейцарцем, так как в июне 1944 года американцы уже освободили Рим и в декабре этого года уже нельзя было послать письма оттуда в фашистскую Германию.

Логика Дмитрия Вячеславовича меня убедила. Он ведь лучше всех знал Иванова того периода (и так же хорошо знал Штейнера). Я не очень ломал голову над письмом, которое показалось нам обоим малозначительным. Однако и тогда мне следовало бы понять, что Штейнер был тут ни при чем. Ведь Штейнер уехал в США в 1939 г. и с августа 1940 г. никакого контакта между ним и Ивановым не было. Вряд ли он мог посоветовать Иванову написать кому-то поздравительное письмо в декабре 1944 года.

Когда я недавно «переоткрыл» письмо, мне стало очевидно, до какой степени мир ученого за тридцать лет изменился. Тогда надо было узнавать источники цитат или в лучших случаях искать их в изданиях типа «Словаря языка Гете». Сегодня, конечно, не надо знать ничего, нужен только доступ к интернету. Соответственно, я сразу ввел в гугл загадочную цитату и через секунду узнал источник, который меня ошеломил, – Теодор Моммзен. Как известно, пятитомная книга Моммзена „*Römisches Staatsrecht*“ (Leipzig: S. Hirzel, 1871–1888 и другие издания) мучила Иванова в годы ученичества. Когда он готовился к устному экзамену в Берлине, он сетовал своему руководителю Отто Гиршфельду на то, что Моммзен полагает, что докторанты должны знать каждое примечание к этому памятнику его научного творчества. Ответ Гиршфельда был малоутешительным: «Каждое примечание? О, нет. Но „*Staatsrecht*“ вы и без того должны хорошо проштудировать...» (Иванов, Зиновьева-Аннибал 2009: 341).

Правда, после смерти Моммзена Иванов вспоминал бывшего наставника в других тонах. В эмиграции Иванов слыл «учеником» Моммзена. Эрнсту Роберту Курциусу импонировало, что русский поэт прошел «школу Моммзена» (Wuttke 1989: 83), а Герберт Штейнер даже назвал его «другом» Моммзена (Ivanov 1995: 80). Сам Иванов в последние годы жизни повторял любимое изречение Моммзена, обращенное к студентам: „*Das ist nicht scharf genug!*“ («Это недостаточно точно!») (Иванов 1962: xiv).

Как только интернет указал, что цитата принадлежит перу Моммзена, стало ясно, что адресат письма – специалист по античности. В Риме 1940-х годов Иванов знал очень немногих

немецких античников, так что можно было без труда опознать здесь Людвиг Курциуса. Интернет сразу же подтвердил такое отождествление: 13 декабря 1944 года Курциусу исполнилось 70 лет. В этот день, как выяснилось, состоялось посвященное ему торжественное заседание в Шведском институте в Риме, где специалисты из разных стран говорили о его заслугах. Текст его ответа на эти речи был впоследствии опубликован, и оттиск, снабженный авторской надписью, находится в библиотеке Иванова³. (Присутствовал ли Иванов на чествовании, неизвестно.)

Людвиг Курциус был по специальности археологом, профессором в университетах в Эрлангене, Фрейбурге и Гейдельберге, а затем с 1928 года директором Германского Археологического института в Риме, лучшего научного центра по античности в Италии, высоко ценимого Вяч. Ивановым. Когда Иванов в 1890-е годы стажировался в Риме, он был связан с этим учреждением: «Я посещал Германский Археологический институт, участвовал вместе с его питомцами («ragazzi Capitolini») в обходах древностей, думал только о филологии и археологии и медленно перерабатывал заново, углублял и расширял свою диссертацию» (Иванов 1971–1987, 2: 19). В письмах того времени Иванов подчеркивал, что он обязан институту и экскурсиями по древности для молодых исследователей, и первоклассной библиотекой, где можно было читать самую свежую научную литературу (см.: Wachtel 1994: 368). В последующее время, когда он возвращался в Рим, институтская библиотека служила гостеприимным приютом для его научных и творческих целей.

Людвиг Курциус был другом, а не родственником Эрнста Роберта Курциуса, знаменитого литературоведа и поклонника Иванова, познакомившего своего однофамильца с русским поэтом в январе 1935 г. В письмах того времени к Герберту Штейнеру Иванов упоминает встречу с «превосходным» Людвигом Курциусом, с которым он обсуждал свои представления о культе Диониса (Ivanov 1995: 172, 176).

³ „Wenceslaus Iwanow, in alter Verehrung mit neuem Dank. Roma, 25.IV.45“ («Вячеславу Иванову со старым почтением и новой признательностью. Рим, 25.IV.45»).

Политические взгляды Курциуса были крайне консервативными. Он восхищался политикой Муссолини, о чем свидетельствует хвалебная лекция под названием «Муссолини и древний Рим», прочитанная им в декабре 1934 года в Кёльне. В конце этого доклада Курциус сравнил современный фашизм с Римской империей с явным предпочтением первого. «У нас есть то, чего не было в древнем Риме, т. е. национальная сила соединенной народности, связанной рождением и судьбой» (Curtius 1934: 24). Однако при всем консерватизме Курциус не смог примириться с нацистами. Его отпугивали их антисемитизм и необразованность. Уже в 1934 г. был написан донос на Курциуса, обвинивший его в «нарочитом дружелюбии» к евреям („ostentativ judenfreundlich“; Hirschfeld 2023: 158).

Как директор Германского института Курциус делал разные уступки нацизму, но не стал членом партии и считался противником ее культурной политики. В сентябре 1937 г. его заставили выйти в отставку, что случалось нередко с не вполне лояльными немецкими учеными того периода (см.: Там же: 159). Тем не менее он оставался в Риме, а его статьи продолжали выходить в Германии⁴. Он проводил экскурсии и читал лекции для важных фашистских политических деятелей, приезжавших в Рим, и в 1943 г. даже издал путеводитель по Риму «для служащих Вермахта», где можно найти нацистские формулировки (Там же: 163). Вкратце можно сказать, что поведение Курциуса во время войны отличалось оппортунизмом. После войны, как и многие ученые его поколения, Курциус прикидывался врагом и жертвой нацизма, что явно не соответствовало настоящему положению вещей⁵.

Нет никакого основания думать, что политика была темой разговора, когда встречались Людвиг Курциус и Иванов. Вне сферы

⁴ Курциусу удалось остаться в Италии благодаря его тесной дружбе с кругом важных итальянских фашистов, в свою очередь убедивших фон Риббентропа, что присутствие Курциуса в Риме ценно «по внешнеполитическим причинам» (Hirschfeld 2023: 162).

⁵ Только в последнее время ученые стали рассматривать поведение немецких античников во время фашизма. Кроме вышеуказанной книги Hirschfeld'a стоит указать на двухтомное исследование: Brands, Maischberger 2016. Во втором томе есть обстоятельная статья о Курциусе: Diebner, Jansen 2016: 79–111.

политики между двумя «почетными римлянами» было много общего. Оба они высоко ценили культурную преемственность, мастерски владели языками, обожали Гете и античных поэтов. Курциус был общительным человеком, любил литературу, музыку и искусство. Насколько можно судить, к Иванову он относился с уважением, однако в единственном известном отклике на его статьи проскальзывает некоторый скептицизм. 1 июля 1935 года он писал Герберту Штейнеру, с которым он познакомился при посредничестве Иванова: «От последней его <Иванова. – М. В.> публикации в “Corona”, над которой Вы так усердно работали, я получил мало пользы. Для меня все это остается слишком расплывчатым, чтобы моя историческая совесть смогла с ним смириться, и одновременно это слишком терминологически научно, чтобы стать поэзией, имеющей свое право на существование наряду с историей»⁶.

По иронии судьбы мне довелось разговаривать с Дмитрием Вячеславовичем о Людвиге Курциусе, но совсем по другому поводу. Прекрасно помню этот разговор, потому что это был один из редчайших случаев, когда Дмитрий Вячеславович – человек исключительной доброты – негативно отзывался о другом человеке. Оказалось, что в ранние 1940-е годы Дмитрий Вячеславович взвешивал возможность стать литературоведом. Его руководитель в Париже посоветовал ему заняться европейским символизмом, а он сам решил написать диссертацию о творчестве Винкельмана (см.: Шишкин, Пирон 2017: 180–181). В связи с этим он консультировался с Курциусом, который не только не помогал ему, но даже отговаривал его от темы, считая, что он к ней недостаточно подготовлен. Об этом я вспомнил, когда читал список немецких книг в римской библиотеке Вяч. Иванова. Среди них находится книга о Винкельмане самого Курциуса: *Ludwig Curtius, Winckelmann und seine Nachfolge*.

⁶ „Ich habe mit seinem letzten Beitrag in der Corona, der Ihnen so viel Mühe gemacht hat, wenig anfangen können. Das bleibt für mich alles zu verschwommen, als dass mein historisches Gewissen sich dabei beruhigen könnte, ist hinwiederum zu wissenschaftlich begrifflich, als dass es Poesie würde, die ihr eigenes Existenzrecht neben der Geschichte behält.“ Письмо находится в фонде Герберта Штейнера в Deutsches Literaturarchiv, Marbach am Neckar: Signatur 74.2878.

Wien: A. Schroll, 1941. В ней содержится инскрипт: „Aller Anfang ist leicht. Rom 13.X.43 L. Curtius“. Дмитрий Вячеславович вернулся из Парижа в Рим 23 августа 1943 г., так что он получил эту книгу, вышедшую в свет в 1941 г., месяца через два после своего пребывания в Италии (см.: Шишкин, Пирон 2017: 192). Хотя адресат не назван, можно сказать с уверенностью, что автор обращался не к Вяч. Иванову, а к его сыну. В надписи обыгрывается немецкая пословица „Aller Anfang ist schwer“ («любое начало – трудное», т. е. «лиха беда начало»). Вместо этого Курциус пишет «любое начало – легкое», как бы с пожеланием скорого успеха, но также, возможно, намекая, что начинающий исследователь слишком смело идет вперед, еще не представляя себе сложности предмета. Как бы то ни было, от личного общения с педантичным немцем у Дмитрия Вячеславовича остались неприятные воспоминания.

Ниже следует письмо Вяч. Иванова в русском переводе с необходимыми комментариями. Забегая вперед, заметим, что цитаты в письме не просто показывают начитанность Иванова, но, безусловно, отражают пиетет перед немецкой классикой, который он разделяет с адресатом. Сам Курциус считал знакомство с творчеством Гете вехой своей жизни. В выступлениях, статьях и письмах он многократно ссылается на веймарского мудреца. В обзоре о людях, которые оказали на него особое влияние, Курциус писал о Гете: «У меня нет слов, чтобы выразить то, чем я в своей жизни ему обязан»⁷. Особо упомянем выступление Курциуса под заглавием «Гете и Италия» на заседании Германского Археологического института в Риме в 1932 г., приуроченном к столетию смерти поэта, и составленную им книгу высказываний Гете (см.: Goethe 1949; книга вышла только на английском языке).

Особое значение имеет цитата из Моммзена в конце публикуемого письма. Курциус не учился у знаменитого историка, но для любого античника его поколения Моммзен был легендой. В своих мемуарах Курциус описывает единственную их встречу

⁷ „Ich habe keine Worte, um auszudrücken, was ich ihm in meinem Leben verdanke“ (Curtius s. d.: 15).

в Мюнхене, когда он, молодой ученый, собирал материалы для своей диссертации: «Когда я делал выписки из своих аугсбургских документов, мне приходилось, сберегая время, работать не отрываясь и не смотря ни направо, ни налево. Но когда я однажды поднял глаза, то увидел слева от себя маленькую, худую фигуру, как гном сгорбившуюся над рукописью, полностью поглощенную своей работой и усердно писавшую, с длинными волосами и чересчур острыми глазами за очками. Это был Теодор Моммзен»⁸. Цитата из Моммзена узнаваема для специалиста по древней истории и таким образом служила прозрачным намеком на общую культуру двух неутомимых семидесятилетних гуманистов.

Рим, 12 декабря 1944 г.

Многоуважаемый господин и друг,

Позвольте <принести> Вам от 78-летнего его самые сердечные поздравления к Вашему семидесятому дню рождения! Ведь правильно рассматривать этот день как значимый момент нашей жизни: не оказываемся ли мы вновь у «раздела», говоря словами Данте, с заголовком „*incipit vita nova*“?⁹ Это же заключительная часть нашей земной поэмы, в сущности предназначенная для того, чтобы «унять» наш «души страдающей разлад», «рассеять ужас, смягчить угрызений жгучий яд», нас «вернуть святому Свету»¹⁰, позволить перенесенным страданиям завершиться катарсическим концом.

⁸ „Ich musste, wenn ich meine Augsburger Akten exzerpierte, meine Zeit ausnützen und sah nicht nach rechts und nicht nach links. Aber als ich einmal auf sah, gewahrte ich links neben mir eine kleine hagere, gnomenhaft über einem Kodex zusammengeschobene, ganz in die Arbeit versunkene, eifrig schreibende Gestalt mit langen Haaren und mit überscharfen Augen hinter der Brille. Es war Theodor Mommsen“ (Curtius 1956: 142).

⁹ Иванов ссылается на первое предложение «Новой жизни» Данте: «In quella parte del libro de la mia memoria, dinanzi a la quale poco si potrebbe leggere, si trova una rubrica la quale dice: *Incipit vita nova*» («В этом разделе книги моей памяти, до которого лишь немного заслуживает быть прочитанным, находится рубрика, гласящая: “*Incipit vita nova*”»; перевод И. Н. Голенищева-Кутузова).

¹⁰ Из «Фауста» Гете (часть II, акт I, сцена «Красивая местность»). Перевод Б. Л. Пастернака.

С исполненным благодарности удовлетворением Вы можете оглядываться на свои богатые урожаи, на всё достигнутое гениальным устремлением, <на> прекрасно удавшееся, на собранные сокровища познания, на разумное распоряжение дарами, вверенными Вам Божественной благодатью, среди них прежде всего созерцанием тайной Красоты, и, что, быть может, еще важнее – на огромный опыт сердца, которое вправе признаться: «Я жил и любил»¹¹.

Бег изменчивых явлений,
Мимо реющих, ускорь:
Слей в одно закат свершений
С первым блеском нежных зорь.
От низовий жизнь к истокам
В миг единый обзори:
В лик единый умным оком
Двойников своих сberi.
Неизменен и чудесен
Благодатной Музы дар:
В духе форма стройных песен,
В сердце песен жизнь и жар¹².

Пусть будут Вам даны еще долгие годы, полные торжествующей гармонии и высокого душевного покоя, освещенного «благодатным усилием творчества»¹³!

С глубоким почтением

Ваш

Искренне преданный Вам

Вячеслав Иванов

¹¹ Из стихотворения Шиллера «Жалоба девушки» („Des Mädchens Klage“).

¹² Концовка стихотворения Гете „Dauer im Wechsel“ («Постоянное в Изменчивом»), перевод Вяч. Иванова (ср.: Иванов 1971–1987, 3: 672).

¹³ Из первого абзаца «Истории Рима» Моммзена. Перевод В. Н. Неведомского. Ср.: Mommsen 1854: 4.

Habent sua fata litterae: когда пишущий эти строки обратился к А. Б. Шишкину, в настоящее время владельцу римского семейного архива Иванова, чтобы сверить текст по оригиналу, оказалось, что письмо утрачено. Пока не всплывет оригинал, единственным источником письма останется рукописная копия, сделанная мною тридцать с лишним лет назад.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Иванов В. 1962. Свет вечерний: Poems by Vyacheslav Ivanov. Oxford: Clarendon Press.
- Иванов В. 1971–1987. Собр. соч.: В 4-х тт. Bruxelles: Foyer Oriental Chrétien.
- Иванов В., Зиновьева-Аннибал Л. 2009. Переписка: 1894–1903. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение.
- Шишкин А., Пирон Ж. 2017. «J'entrevois et j'aime la véritable âme française...» (К теме «Вячеслав Иванов и Франция»). – Окно из Европы: К 80-летию Жоржа Нива / Сост. Г. Нефедьев, А. Парнис, В. Скуратовский. М.: Три квадрата. С. 165–192.
- Brands, G., Maischberger, M. 2016. Lebensbilder: Klassische Archäologen und der Nationalsozialismus / Hrsg. von Gunnar Brands und Martin Maischberger. Rahden: Leidorf.
- Curtius, L. [s. d.] Antwort auf die von Bartolomeo Nogara, Graf H. W. Salis, Paolino Mingazzini, Hermine Speier an seinem 70. Geburtstag am 13. Dezember 1944 im Schwedischen Institut in Rom gehaltenen Ansprachen. [s. l.]
- Curtius, L. 1934. Mussolini und das antike Rom. Köln: Petrarca-Haus.
- Curtius, L. 1956. Deutsche und antike Welt: Lebenserinnerungen. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt.
- Curtius, L. 1958. Torso: Verstreute und nachgelassene Schriften. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt.
- Diebner, S., Jansen, Ch. 2016. Ludwig Curtius (1874–1954). – Lebensbilder: Klassische Archäologen und der Nationalsozialismus / Hrsg. von Gunnar Brands und Martin Maischberger. Bd. 2. Rahden/Westf.: Leidorf. S. 79–111.
- Goethe, J. W. von. 1949. Goethe: Wisdom and Experience / Selections by Ludwig Curtius. Translated and edited, with an introduction, by Hermann J. Weigand. New York: Pantheon Books.

- Hirschfeld, M. 2023. Der Archäologe und Wissenschaftsmanager Ludwig Curtius (1874–1954) als exemplarischer Bildungsbürger. Wiesbaden: Reichert Verlag.
- Ivanov, V. 1995. Dichtung und Briefwechsel aus dem deutschsprachigen Nachlass / Hrsg. von Michael Wachtel. Mainz: Liber Verlag. (Deutsch-russische Literaturbeziehungen. Forschungen und Materialien. Bd. 6).
- Mommsen, T. 1854. Römische Geschichte von Theodor Mommsen. Erster Band: Bis zur Schlacht von Pydna. Leipzig: Weidmannsche Buchhandlung.
- Wachtel, M. 1994. Вячеслав Иванов – студент Берлинского Университета. – Cahiers du monde russe: Russie, Empire russe, Union soviétique, États indépendants. Vol. 35. N° 1–2, janvier-juin. Un maître de sagesse au XXe siècle : Vjačeslav Ivanov et son temps. P. 353–376.
- Wuttke, D. 1989. Kosmopolis der Wissenschaft: E. R. Curtius und das Warburg Institute: Briefe 1928–1953 und andere Dokumente / Hrsg. von Dieter Wuttke. Baden-Baden: Valentin Koerner.

REFERENCES

- Brands, G. and M. Maischberger. *Lebensbilder: Klassische Archäologen und der Nationalsozialismus*. Edited by Gunnar Brands and Martin Maischberger. Rahden: Leidorf, 2016.
- Curtius, L. *Antwort auf die von Bartolomeo Nogara, Graf H. W. Salis, Paolino Mingazzini, Hermine Speier an seinem 70. Geburtstag am 13. Dezember 1944 im Schwedischen Institut in Rom gehaltenen Ansprachen*. N. p.: n. d.
- . *Mussolini und das antike Rom*. Köln: Petrarca-Haus, 1934.
- . *Deutsche und antike Welt: Lebenserinnerungen*. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1956.
- . *Torso: Verstreute und nachgelassene Schriften*. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1958.
- Diebner, S. and Ch. Jansen. “Ludwig Curtius (1874–1954).” In *Lebensbilder: Klassische Archäologen und der Nationalsozialismus*. Edited by Gunnar Brands and Martin Maischberger. Vol. 2, 79–111. Rahden: Leidorf, 2016.
- Goethe: Wisdom and Experience*. Selections by Ludwig Curtius. Translated and edited, with an introduction, by Hermann J. Weigand. New York: Pantheon Books, 1949.
- Hirschfeld, M. *Der Archäologe und Wissenschaftsmanager Ludwig Curtius (1874–1954) als exemplarischer Bildungsbürger*. Wiesbaden: Reichert Verlag, 2023.

- Ivanov, V. *Svet vechernii: Poems by Vyacheslav Ivanov*. Oxford: Clarendon Press, 1962.
- . *Sobranie sochinenii*. 4 vols. Brussels: Foyer Oriental Chrétien, 1971–1987.
- . *Dichtung und Briefwechsel aus dem deutschsprachigen Nachlass*. Edited by Michael Wachtel. Deutsch-russische Literaturbeziehungen. Forschungen und Materialien 6. Mainz: Liber Verlag, 1995.
- Ivanov, V. and L. Zinov'eva-Annibal. *Perepiska: 1894–1903*. Vol. 1. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009.
- Mommsen, T. *Römische Geschichte von Theodor Mommsen*. Vol. 1, *Bis zur Schlacht von Pydna*. Leipzig: Weidmannsche Buchhandlung, 1854.
- Shishkin, A. and G. Piron. “‘J’entrevois et j’aime la véritable âme française...’ (K teme ‘Viacheslav Ivanov i Frantsiia’).” In *Okno iz Evropy: K 80-letiiu Georges’a Nivat*. Edited by G. Nefed’ev, A. Parnis, and V. Skuratovskii, 165–92. Moscow: Tri kvadrata, 2017.
- Wachtel, M. “Viacheslav Ivanov – student Berlinskogo Universiteta.” *Cahiers du monde russe: Russie, Empire russe, Union soviétique, États indépendants* 35, no. 1–2, *Un maître de sagesse au XXe siècle: Vjačeslav Ivanov et son temps* (January–June 1994): 353–76.
- Wuttke, D. *Kosmopolis der Wissenschaft: E. R. Curtius und das Warburg Institute: Briefe 1928–1953 und andere Dokumente*. Edited by Dieter Wuttke. Baden-Baden: Valentin Koerner, 1989.